

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГОДЪ II.

ХАРЬКОВЪ, ВТОРНИКЪ, 7 (19) СЕНТЯБРЯ 1882 ГОДА.

№ 584.

Отдельные №№ „Южного Края“ продаются по 6 коп.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“, ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА 1882 ГОДЪ:

	БЕЗЪ ДОСТАВКИ.	СЪ ДОСТАВКОЮ.	СЪ ПЕРЕС. НИКОР.
На 12 мѣсяцевъ	10 руб. 50 коп.	12 руб. 50 коп.	12 руб. 50 коп.
„ 6 „	6 „	7 „	7 „ 50
„ 5 „	5 „ 40	6 „ 30	6 „ 60
„ 4 „	4 „	5 „ 20	5 „ 60
„ 3 „	3 „ 50	4 „	4 „ 50
„ 2 „	2 „ 40	2 „ 80	3 „ 20
„ 1 „	1 „ 20	1 „ 40	1 „ 60

Подпись принимается только съ 1-го числа каждого мѣсяца.

Главная Контрора газеты въ Харьковѣ, на Московской улицѣ, въ д. Харьковскаго Университета № 7-й, при „Публичной Библиотекѣ“ А. А. Йозефовича, принимаетъ подпись и объявленія; открыта въ будніи отъ 8-ми час. утра до 7-ми час. вечера, а въ воскресные и праздничные дни отъ 11-ти до 4-хъ часовъ днія.

Кромѣ того, подпись и объявление принимаются въ Центральной конторѣ объявлений для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Невскомъ проспектѣ, № 24; въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ Энгельса, Гартле, на Невскомъ проспектѣ, № 24; въ Петровѣ—въ книжномъ магазинѣ П. Печниковской; въ Николаевѣ—въ гарнисажной агенціи объявлений Рейханль и Френдлеръ, на Сенаторской улицѣ, № 22, въ Киевѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. И. Федорова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Бѣлько и Е. Н. Расонова; въ Полтавѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Розенберга и въ Кременчугѣ—въ пострадѣ Е. Ф. Зильберберга. Изъ-за границы объявленія принимаются исключительно въ Париже у Навас, Габе въ Сѣ, Place de la Bourgogne.

Редакція изданія находится въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й; для личныхъ обѣяній по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кроме воскресеній и праздничныхъ дній, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ днія. Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть напечатаны за подписью и скадреемъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условій, признаются бесплатными. Статьи, признанные удобными для печати, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію, неудобными для печати, уничтожаются.

Сегодня, 7-го сентября, въ загѣ дворянскаго собрания открывается Ж.-я передвижная художественная выставка картинъ. Входъ отъ 10 ч. утра до 5, съ платомъ 30 к.; дѣти и учащіеся (въ форменной одеждѣ) платить 10 к.

ЮЖНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ

„ЮДОСЬ“

ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ СТИЛІЗАЦІІ
„МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА“

помѣщается на углу Екатериніославской и Ярославской ул., д. Горлова, кв. № 4.

Контрора по прежнему открыта отъ 10 ч. у. до 4 ч. днія. Приемъ подпись и объявленій по таѣ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Харьковъ, 6-го сентября 1882 года.

Дѣйствіе правительства.

Обзоры газетъ и журналовъ.

Маленький фельетонъ.

Мѣстна хроника изъ городской жизни.

Телеграммы (отъ „Сынъ народа“ телеграфн. агентства и другихъ газетъ).

Новѣйшій извѣстія.

Внутреннія извѣстія: корресп. „Южного Края“ изъ Симферополя, Бахчисара, Рузвѣя, Николаева и Лебедина. Изъ-за границы другихъ газетъ изъ Одессы, Евпаторіи, Новороссийска, Орловской ул., Чернигова, Киева, Симферополя, Екатеринодара, Новогорска и тѣмъ Славянскъ.

Вѣтнайшій извѣстія.

Корреспонденція „Южного Края“ изъ Вильны.

Свѣтъ.

Биографическая хроника и торговый отдѣлъ.

Календарь.

Справочникъ сѣдѣнія.

Объявленія.

ХАРЬКОВЪ,

6-го сентября 1882 г.

Во всѣхъ юныхъ государствахъ Балканскаго полуострова, за исключеніемъ одной Черногоріи, происходитъ борьба или менѣе ожесточеннѣйшая борьба. Повсюду и въ Болгаріи, и въ Румыніи, и въ Сербіи мы встрѣчаемъ партіи, одини из которыхъ указываютъ на ихъ чуждое, за-носное происхожденіе. Но какъ всегда, такъ и здѣсь дѣло не въ названіи, и подъ хорошо знакомыми именами скрывается тутъ неѣдко совершенно иное, чуждое европейскому политику, значеніе. Что есть, напримѣръ, общаго между красною партіей въ Румыніи и красными въ западно-европейскихъ государствахъ? Господство красныхъ въ государствахъ Запада равновѣсно азархіи, въ Румыніи, напротивъ, красные уже пѣсколько разъ управляли страной, не нарушая ни въ чёмъ обычного теченія дѣлъ.

Въ Болгаріи мы имѣемъ дѣло съ партіями либераловъ и консерваторовъ, но эти старыя хорошо знакомыя намъ имена не должны вводить насъ въ заблужденіе. Болгарскія партіи вовсе не вышли изъ народа и стоять отъ него совершиенноособливыми. Они состоятъ изъ весьма небольшаго числа лицъ и борьба между ними отличается чисто личнымъ, мелочнымъ характеромъ. И та и другая партія стремится лишь къ власти; обѣ они одинаково неразборчивы въ средствахъ; право князя и свобода народа для нихъ не болѣе, какъ прикрытие своихъ частныхъ, подъ часъ совсѣмъ чистыхъ цѣлей.

Совсѣмъ иное дѣло партіи въ Сербіи. Сербія живетъ уже давно самостоятельной политической жизнью, а эта жизнь должна была вызвать себѣ теченіемъ времени извѣстныя противоположности, создѣть политическія партіи, имѣющіе почву въ самомъ народѣ и въ его интересахъ. И въ Сербіи эти партіи носили и носятъ постоянно чуждые названія, называясь, находящіеся наѣдко въ прямомъ противорѣчіи съ ихъ настоющими характеромъ и стремлѣніями. До самаго 1880 года въ Сербіи господствовала партія Ристича, носившая название партіи либеральности. Значеніе и сила этой партіи заключались, однакоже, вовсе не въ ея либеральныхъ тенденціяхъ, а въ ее национальныхъ стремлѣніяхъ. Ристич наимѣлъ на своемъ знамени освобожденіе славянскихъ народностей отъ турецкаго ига, онъ хотѣлъ создать изъ Сербіи Балканскій Пьемонтъ, онъ одинъ не остано-

вилъся въ скромъ времени противъ себя сильную оппозицію. Уже одна вѣтнайша политика министерства, политика, удалившиа Сербію отъ Россіи, и подчинившиа ее вѣликої Австріи, должна была вызвать противъ него сильное недовольство во всѣхъ тѣхъ краяхъ, для которыхъ национальное призваніе Сербіи стояло на первомъ планѣ. Сама по себѣ эта оппозиція не могла бы быть опасна для министерства, еслибы не присоединился къ этому раздоръ въ средѣ его собственной партіи.

Радикалы могли идти рука объ руку съ прогрессистами лишь до тѣхъ поръ, пока продолжалось владичество Ристича, и Френдлеръ, въ Сенаторской улицѣ, № 22, въ Киевѣ—въ книжномъ магазинѣ В. И. Бѣлько и Е. Н. Расонова; въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ Е. И. Федорова; въ Болградѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бойко-Розенберга и въ Кременчугѣ—въ пострадѣ Е. Ф. Зильберберга. Изъ-за границы объявленія принимаются исключительно въ Париже у Навас, Габе въ Сѣ, Place de la Bourgogne.

Редакція изданія находится въ г. Харьковѣ, въ Петровскомъ переулкѣ, № 1-й; для личныхъ обѣяній по дѣламъ газеты открыта ежедневно, кроме воскресеній и праздничныхъ дній, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ днія. Статьи, доставляемыя въ редакцію, должны быть напечатаны въ первомъ разѣ и скадреемъ автора. Статьи, доставляемыя безъ обозначенія условій, признаются бесплатными. Мелкія статьи, замѣтки и корреспонденціи, неудобными для печати, уничтожаются.

Понятно, что такого рода режимъ долженъ быть вызвать противъ Ристича самую ожесточенную оппозицію, но онъ держалъ до тѣхъ поръ, пока могъ преслѣдовать свою национальную программу. Обязательства, принятые Сербію на Берлинскомъ конгрессѣ, въ особенности по отношенію къ Австріи, не позволяли Ристичу оставаться дольше у дѣла. Понятно, что онъ не могъ выполнить обязательствъ, шедшихъ въ разрѣшъ со всемъ его национальной программой; понятно, что онъ долженъ былъ уступить мясо своимъ политическимъ противникамъ. Кто же были эти противники? Они принадлежали къ старой консервативной партіи, хотя въ дѣйствительности они были настоящими сербскими либералами.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Главный разрывъ образовался при помощи этого обѣянія, радикалы успѣли склонить на свою сторону большинство сельского населенія королевства, особенно въ южныхъ и юго-западныхъ областяхъ. Въ городахъ къ радикальной партіи присоединялись чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

Понятно, что это особенно заманиво на сербскаго крестьянина. Чисто поліцейскимъ характеромъ, онъ умѣлъ словить оппозиціи, если она появлялась, сажаюшии и неразборчивыи средствами. Въ случаѣ необходимости онъ не останавливалъ передъ самими жестокими мѣрами, даже передъ смертной казнью. Ристич не терпѣлъ свободы печати, онъ довѣрь, наконецъ, дѣло до того, что отѣзгъя въ наименіи самъ, чтобы добиться власти.

